

Савва Морозов. «Патриот, делец и меценат»

Подготовила: заведующая
сектором по работе с
юношеством Л.В. Блинова

В начале XX века верхушку московского купечества составляли два с половиной десятка семей - семь из них носили фамилию Морозовы. Самым именитым в этом ряду считался крупнейший ситцевый фабрикант Савва Тимофеевич Морозов.

Начал семейное дело дед и тезка Саввы - хозяйственный мужик Савва Васильевич Морозов. "Савва сын Васильев" родился крепостным, но сумел пройти все ступени мелкого производителя и стать крупнейшим текстильным фабрикантом. За 17 тысяч рублей (огромные по тем временам деньги) Савва получил "вольную" от дворян Рюминых, и вскоре бывший крепостной Морозов был зачислен в московские купцы первой гильдии. Дожив до глубокой старости, Савва Морозов так и не одолел грамоты, что не мешало ему отлично вести дела.

Его сын Тимофей был обучен грамоте и, хотя сам "университетов не заканчивал", часто жертвовал довольно крупные суммы на учебные заведения и на издательские дела. Что не мешало ему быть настоящим, как тогда говорили, "кровососом": заработную плату рабочим он постоянно снижал, изводил их бесконечными штрафами. И вообще считал строгость и жесткость в обращении с подчиненными лучшим способом управления.

7 января 1885 на Никольской мануфактуре разразилась забастовка рабочих, позднее описанная во всех отечественных учебниках истории как "Морозовская стачка". Длилась она две недели, это было первое организованное выступление рабочих. Когда судили зачинщиков волнений, Тимофея Морозова вызвали свидетелем в суд. После суда Тимофей Саввич месяц пролежал в горячке и встал с постели другим человеком - состарившимся, озлобившимся. О фабрике и слышать не хотел, переписал имущество на жену.

Савва Морозов родился 15 февраля 1862 года. Его детские и юношеские годы прошли в Москве в родительском особняке, расположенном в Большом Трехсвятском переулке. Свобода детей в доме ограничивалась молельней, в которой ежедневно служили священники из Рогожской старообрядческой общины, и садом, за пределы которого их не пускала вышколенная прислуга. Отца он видел редко, мать, казалось ему, отдавала предпочтение другим детям. Впервые родители проявили к нему интерес, когда Савва был уже подростком: домашние учителя объявили Тимофею Саввичу и Марии Федоровне, что больше ни чему Савву научить не могут - мальчик проявляет недюжинные способности к точным наукам и нуждается в серьезном образовании. По окончании в 1881 гимназии Савва Морозов поступил на физико-математический факультет Московского университета, а, прослушав курс, в 1885 уехал в Англию. В Кембридже Савва Тимофеевич глубоко и успешно изучал химию, собирался защищать диссертацию, но необходимость возглавить семейное дело заставила его вернуться в Россию.

После стачки 1885 здоровье отца Саввы Тимофеича стало ухудшаться, он фактически отошел от дел. По инициативе Марии Федоровны, было создано паевое товарищество из родственников техническим директором которого и стал 25-летний талантливый инженер Савва Тимофеевич Морозов, с удовольствием взявшийся за управление мануфактурой.

Став руководителем Никольской мануфактуры, Савва Морозов поспешил уничтожить наиболее вопиющие притеснительные меры, введенные отцом. Он отменил штрафы, построил для рабочих много новых казарм, образцово поставил медицинское обслуживание. Все эти улучшения он провел на правах управляющего.

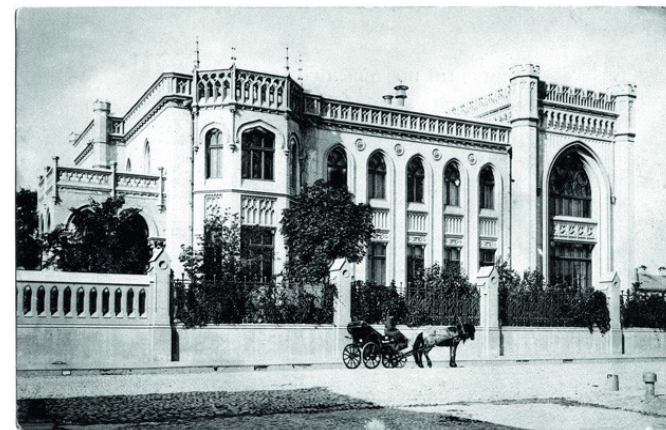

Однако, в подлинном смысле хозяином мануфактуры он никогда не являлся, поскольку большая часть паев после смерти Тимофея Саввича перешли к матери Саввы Тимофеевича, Морозовой Марии Федоровне, женщине очень властной, с большим умом и самостоятельными взглядами. Обладая огромным капиталом, Мария Федоровна никогда не забывала о делах благотворительных, и по масштабам превзошла мужа. Например, в 1908 Мария Федоровна скупила и закрыла все печально известные ночлежные дома в районе Хитровки. На средства Морозовой были построены студенческое общежитие и корпус для лаборатории механической технологии волокнистых веществ Императорского Технического училища (ныне имени Баумана). Свое завещание М. Ф. Морозова составила в 1908, распределив состояние между детьми и внуками и выделив 930 тыс. руб. на благотворительные цели Она умерла в 1911 году в возрасте 80 лет, оставив после себя 29 млн 346 тысяч рублей чистого капитала и увеличив состояние мужа, доставшееся ей по наследству, почти в 5 раз.

Незадолго до окончания университета Савва известил родителей, что влюбился и собирается жениться на разведенной жене своего близкого родственника, Зинаиде Григорьевне Зиминой. Его избранница была совершенно не похожа на покорных, наивных купеческих дочек, с которыми знакомили Савву родители. Это была сильная, обаятельная, страстная женщина с острым умом. Несмотря на попытки родственников отговорить Савву от этого брака, свадьба все таки состоялась. А сразу после окончания университета молодожены отбыли в Англию.

После возвращения в Россию для жены по проекту Шехтеля был построен дом на Спиридоновке (ныне Дом приемов МИД России), где на приемах бывал весь цвет тогдашней интеллигенции Москвы. Получить приглашение на прием от Зинаиды Григорьевны почитали за честь самые высокопоставленные лица города.

Савва Тимофеевич Морозов на этих приемах появлялся редко и чувствовал себя лишним. Тяжеловесный и неуклюжий, он не мог органично вписаться в высшее общество. Через несколько лет такой жизни Морозов постепенно охладел к своей супруге и не одобрял ее чрезмерно роскошного образа жизни. Они жили в одном доме, но практически не общались. Не спасли этот брак даже четверо детей.

Хваткая, с вкрадчивым взглядом и надменный лицом, комплексовавшая из-за своего купечества, и вся увешанная жемчугами, Зинаида Григорьевна сверкала в обществе и пыталась превратить свой дом в светский салон. У нее "запросто" бывала сестра царицы, жена московского генерал-губернатора великая княгиня Елизавета Федоровна. Чередой шли вечера, балы, приемы... Морозова была постоянно окружена светской молодежью, офицерами. Особым ее вниманием пользовался Рейнбот, офицер Генерального штаба, блестящий ухажер и светский лев.

Громкую известность Савве Морозову принесла его благотворительная деятельность. Кроме того он был меценат, и многие культурные начинания тех лет происходили при участии его капиталов. Он, впрочем, имел здесь свои взгляды — давал деньги не всем и не без разбору. К примеру, на создававшийся при деятельном участии Цветаева Музей изящных искусств Морозов не пожертвовал ни копейки. Но зато, не считаясь ни с какими расходами, он поддерживал все, в чем предчувствовал важное влияние на отечественную культуру.

В 1898 МХАТ поставил спектакль "Царь Федор Иоанович" по пьесе Алексея Толстого. Савва Морозов, случайно заехав вечером в театр, пережил глубокое потрясение и с тех пор стал горячим поклонником театра. В этом году, когда на учреждение театра требовались средства, которых не было ни у Станиславского, ни у Немировича-Данченко, он дал 10 тысяч рублей.

Морозов не только щедро жертвовал деньги - он сформулировал основные принципы деятельности театра: сохранять статус общедоступного, не повышать цены на билеты и играть пьесы, имеющие общественный интерес.

Андреева Савва Тимофеевич был натурой увлекающейся и страстной. Недаром побаивалась матушка Мария Федоровна: "Горяч Саввушка!.. увлечется каким-либо новшеством, с ненадежными людьми свяжется, не дай Бог". Бог не уберег его от актрисы Художественного театра Марии Федоровны Андреевой, по иронии судьбы - тезки его матери.

Жена высокопоставленного чиновника Желябужского, Андреева не была счастлива в семье. Муж встретил другую любовь, но супруги жили одним домом ради двоих детей. Мария Федоровна находила утешение в театре, Андреева был ее сценический псевдоним.

Завсегдатай Художественного театра Морозов стал поклонником Андреевой. Он восхищался ее редкостной красотой, преклонялся перед талантом и выполнял любое её желание.

Андреева была женщина истерическая, склонная к авантюрам и приключениям. Только театра ей было мало (а точнее, она была уязвлена несомненной артистической гениальностью Ольги Книппер-Чеховой), ей хотелось театра политического. Андреева добывала для большевиков деньги. Позже охранка установит, что она собрала для РСДРП миллионы рублей.

"Товарищ феномен", как называл ее Ленин, сумела заставить раскошелиться на нужды революции крупнейшего российского капиталиста. Савва Тимофеевич пожертвовал большевикам значительную часть своего состояния.

В начале XX века Морозов стал живо интересоваться политикой. В его особняке происходили полулегальные заседания кадетов. Это, впрочем, было еще не удивительно, так как многие крупные промышленники тяготели в то время к конституционным демократам. Но Савва Морозов вскоре перестал удовлетворяться теми половинчатыми реформами, которые они собирались провести в России. Сам он имел гораздо более радикальные взгляды, что и привело его в конце концов к тесному общению с партией большевиков, придерживающейся самой крайней социалистической ориентации. Известно, что Морозов давал деньги на издание «Искры». На его средства были учреждены первые легальные большевистские газеты «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве. Все это дало Витте право обвинить Морозова в том, что он «питал революцию своими миллионами». Морозов делал даже больше: нелегально провозил типографские шрифты, прятал от полиции революционера Баумана и сам доставлял запрещенную литературу на свою фабрику.

Трагедия началась с того, что Станиславский поссорился с Немировичем-Данченко из-за артистки Андреевой, которая устроила скандал из-за артистки Книппер-Чеховой. Гениальную одаренность Ольги Леонардовны Книппер признавали абсолютно все. Андреевой же давали второстепенные роли - она требовала главных, жаловалась Станиславскому и Морозову на Немировича-Данченко. Два совладельца театра так возненавидели друг друга, что не могли спокойно разговаривать. Морозов отказался от своего директорства. Вместе со своим близким другом Максимом Горьким и Марией Федоровной он затеял новый театр. Но тут Андреева и Горький полюбили друг друга. Это открытие было для Морозова тяжелейшим потрясением.

В феврале 1905, когда Савва Тимофеевич задумал провести на фабрике какие-то крайние преобразования, которые должны были дать рабочим право на часть получаемой прибыли, мать - Мария Федоровна отстранила его от управления. Кроме этого события 9 января 1905, вошедшие в историю как «Кровавое воскресенье» стали для него настоящим потрясением. Страстная, увлекающаяся, натура во всем идущая "до конца", "до полной гибели всерьез". Рогожин в романе "Идиот" словно списан Достоевским с Саввы Морозова. Все эти обстоятельства стали причиной тяжелого нервного срыва. Морозов начал избегать людей, много времени проводил в уединении, не желая никого видеть. У него начались бессонница, внезапные приступы тоски и навязчивые страхи сумасшествия. А в морозовском роду - хотя это и умалчивалось - было немало потерявших рассудок.

Созванный в апреле по настоянию жены и матери консилиум врачей констатировал, что у Саввы Тимофеевича наблюдается «тяжелое общее нервное расстройство», и рекомендовал направить его за границу. Морозов уехал вместе с женой в Канн и здесь в номере «Ройяль-Отеля» 13 мая 1905 года был найден мертвым.

Официальная версия гласила, что это самоубийство, но Зинаида Григорьевна в это не поверила. А сопровождавший в поездке супругов врач с удивлением отметил, что глаза покойного были закрыты, а руки - сложены на животе. У кровати лежал никелированный браунинг, окно в номере было распахнуто. Кроме этого, Зинаида Григорьевна утверждала, что видела в парке убегающего мужчину, но каннская полиция следствия проводить не стала. Впоследствии все попытки выяснить правду о гибели Морозова решительно пресекла его мать Мария Федоровна, якобы сказавшая: «Оставим все как есть. Скандала я не допущу».

В память об ушедшем сыне Мария Федоровна Морозова вместе с сыном Сергеем и дочерью Юлией выделила средства на строительство двух корпусов Старо-Екатерининской больницы, корпуса для нервных больных на 60 кроватей и корпуса родильного дома на 74 кровати (оба сохранились на территории МОНИКИ, бывшая Старо-Екатерининская больница).

Свой вклад в память о муже внесла и вдова Зинаида Григорьевна Морозова, которая построила в Пресненской части Москвы дом дешевых квартир имени Саввы Морозова, затратив на него 70 тысяч рублей.

Рогожское кладбище и семейная усыпальница Саввы Морозова. Скульптор Н. А. Андреев